

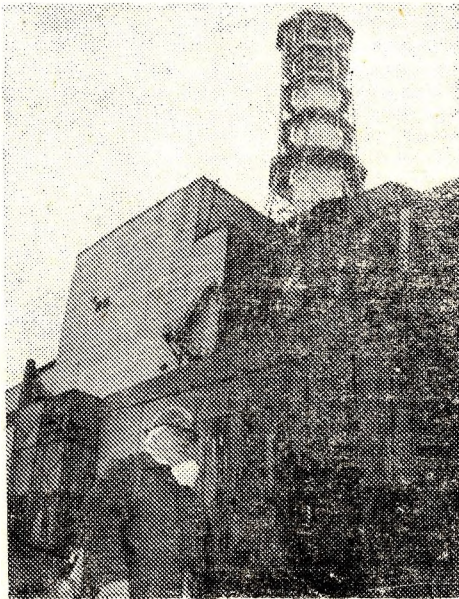
„Зону отчуждения я бы не трогал“

Наш собеседник, которого ликвидаторы первого призыва, надемся, еще помнят, рассказывает о себе примерно так:

— Родился я 25 февраля 1932 года в городе Шахты Ростовской области. По месту рождения прожил три месяца и больше на своей родине ни разу не бывал. По национальности я русский, большую часть жизни прожил в Украине — кто же я такой?

Отец имел три класса образования, всю жизнь проработал разнорабочим. Мать училась и того меньше — два класса. Когда она решалась что-то писать, ее караули разбирал только я. К чему все это я говорю? Поверьте, никогда и нигде я не уповал на случай, все, чего я добился в жизни — заработал своим трудом. Никакой «волосатой» руки у меня по жизни не было.

После окончания Харьковского политехнического института, где я получил образование инженера-электрика, направили меня на Зуевскую ГРЭС. Раньше, старики помнят, прежде чем молодой специалист получит управленческую должность, он был обязан какое-то время стажироваться — пройти все до единой «грязной» профессии. Вот и я целый год стажировался. В котельной прошел «университеты» от зольщика, кочегара, старшего кочегара до начальника смены. В электрощите удалось поработать дежурным электромонтером, старшим дежурным электромонтером, дежурным

цифров управления, после чего я был назначен дежурным инженером.

В 1957 году, почти отработав три года после прибытия на Зуевскую ГРЭС, был назначен заместителем начальника котельного цеха, а спустя пять месяцев, и целым начальником. Под мое крыло попало порядка 460 человек, половина из которых — женщины. Образователь-

ный ценз моих подчиненных равнялся практически нулю, но зато то были люди, которые работали до войны, которые верой и правдой были преданы строю, энтузиасты, им не надо было дважды повторять какую-то задачу.

В 1962 году меня направили на должность начальника цеха Славянской ГРЭС. Если Зуевка была среднего давления, то славянская ГРЭС — высокого давления, и там начинался строиться единственный в СССР двухвалный 800 мегаваттный блок. Работал я там не много, два года, сначала начальником котельного цеха, а потом, в течение года, занимал должность заместителя директора по капитальному строительству, а затем меня избрали секретарем парткома.

И в этой должности я не долго держался, даже не доработал до годового отчетно-выборного собрания. Меня перевели в областной комитет партии инструктором по энергетике. И здесь я проработал всего год, пока не был назначен первым помощником первого секретаря Донецкого обкома партии. И работал я там с 1964 по 1969 год. По собственному желанию я ушел из обкома и был назначен директором строящейся Угледорской станции. Там уже работали 20 человек, я был 21-м. При мне был выбран первый ковш под главный корпус, пустил первый и последний блоки, а в 1973 году меня назначили управляющим «Донбассэнерго». Потом, когда образовалось производственное объе-

динение, я стал называться генеральным директором, и с 1973 по 1980 год я руководил крупнейшей энергосистемой СССР — «Донбассэнерго». «Под ружьем» было 44 тысячи трудящихся, 32 предприятия, 14 млн. киловатт установленной мощности.

В 1980 году меня пригласили в родное министерство на должность заместителя министра, а в 1983 мне предложили стать заведующим отдела топливной энергетики Совета министров. В этом же году было организовано бюро по топливно-энергетическому комплексу и я был назначен заместителем председателя, а в 1988 году я был назначен министром энергетики СССР, пока в 1991 году Кабинет министров СССР в полном составе не был отправлен в отставку. Вместе с ним ушел и я. В нынешних условиях я не считаю возможным для себя работать в государственных структурах — работаю в Инженерной академии.

Вот с таким человеком нам удалось встретиться и побеседовать. А встреча эта произошла в Чернобыле, поскольку в своей биографии наш герой имеет и такую строку — заместитель председателя Правительственной комиссии в 30-километровой зоне Чернобыльской АЭС. Именно эта часть трудовой биографии **Юрия Кузьмича СЕМЕНОВА** нас больше всего заинтересовала.

— **Юрий Кузьмич, тянет в зону отчуждения? Что сейчас первым приходит на ум?**

— Видите ли, в 1986 году, как и весь народ, я был убежден в большой безопасности атомных станций. Почему такое сложилось мнение? Вероятно, потому, что нас убедили в необходимости развивать атомную энергетику и как можно скорее — не отстать бы от американцев.

„Зону отчуждения я бы не трогал“

(Окончание. Начало на 1 стр.)

С ВВЭРа мы тогда не успевали, поэтому по предложению ученых и Минсредмаша пошли на строительство РБМК — этих «Иванов», которые уже работали на выработке боевого плутония. Почему победила такая точка зрения? Потому что наши металлурги, машиностроители не были способны производить корпуса ВВЭР.

— Вы были заместителем председателя Правительственной комиссии по расследованию причин Чернобыльской аварии, а после, когда люди были осуждены и был направлен в МАГАТЭ доклад о причинах возникновения аварии, ваша работа была как-то переориентирована?

— Да, после доклада она была переориентирована. Собственно говоря, в Чернобыле работало две комиссии. Одна, Правительственная комиссия, работала под эгидой Совета министров, председателем которой был Борис Евдокимович Щербина, а другая была создана Политбюро во главе с Рыжковым. И, конечно, роли этих комиссий были несколько отличны. Комиссия Политбюро занималась стратегическими вопросами, но в своей работе она, в основном, пользовалась нашими материалами.

В первое время наша Комиссия занималась расследованием причин аварии. Была привлечена к этой работе большая масса ученых, институтов, проектных организаций, была рассмотрена станция буквально с дня зарождения атомной энергетики, даже от зарождения атомной бомбы до рождения реакторов чернобыльского образца. Ну и в августе или сентябре, я уже точно не помню, был сдан доклад Правительственной комиссии о причинах аварии. После этого, в октябре, вышло новое постановление правительства о переименовании в связи с выполнением порученного задания Комиссии по расследованию причин аварии в Комиссию по ликвидации последствий аварии. В принципе, состав Комиссии остался в прежнем составе, но был расширен, поскольку к ЛПА были привлечены другие министерства, и опять же председателем был назначен Щербина, а его заместителем ваш покорный слуга.

— Существует в настоящее время множество мнений на причины возникновения аварии на четвертом блоке, но до истины в этом многоголосье трудно докопаться.

— Ну почему? Окончательная истина известна. Просто в те времена было две версии: одна — государственная, другая — отдельно стоящих ученых, неофициальная. Я не стану акцентировать внимание на первой или второй версии, главное, из первой и второй были сделаны выводы, т. е. очень многое было вложено в повышение безопасности реакторов РБМК. А то, что сейчас говорят, мол, люди пострадали несправедливо, то тут меру вины определил суд. Правильно ли он поступил, был ли подвержен политическому воздействию? Это не мне судить, поэтому я и не пишу книг, потому что просто врать я не хочу, а писать правду я, как подписавший о неразглашении тайны, не могу.

После проведенных работ реакторы РБМК увеличили свою надежность на порядок. Кстати, и не только они, претерпели серьезные изменения и средства защиты ВВЭР. Раньше говорили, что РБМК настолько надежен, что его мож-

На фото из архива «ВЧ»: члены комиссий — правительственной и политбюро — осматривают первый жилой квартал г. Славутича.

но разместить на Красной площади, а кто хочет, может поместить его даже под своей кроватью для обогрева. Вот тот реактор, до 1986 года, нельзя считать безопасным, поскольку в нем были заложены серьезные конструкторские недостатки. Хотя в решении Правительственной комиссии первым пунктом значилось — ошибки оперативного персонала.

— После распада Союза Украина по существу осталась один на один с чернобыльским «монстром», хотя реакторы РБМК пришли не с украинских ведомств. Сейчас нам трудно, не хватает средств на проведение неотложных мероприятий по ликвидации последствий аварии. Вы, как человек опытный, что бы посоветовали делать в первую очередь?

— Ну, это уже проблема украинского правительства. Если ей тяжело с финансами, то, как говорится, здесь из штанов не выскочишь. Программа действий в зоне отчуждения была определена еще при советской власти, в которую внесли свои коррективы правительства Украины, Беларуси и России. И у нас, и у вас отсутствие финансирования сдерживает выполнение этих программ. Однако над их реализацией нужно работать и работать.

— Сейчас можно нередко услышать о возможной реэвакуации населения в Чернобыльскую зону. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Я уверен, что о реэвакуации сейчас нужно говорить в полный голос. Если вспомнить времена, когда в зоне отчуждения работала Правительственная комиссия, то и тогда рассматривались некоторые населенные пункты — но только не в зоне отчуждения, — в которые следовало бы вернуть людей. Но все это зависит, как бы вам сказать, от настроения людей. Есть районы, которые были подвержены небольшому загрязнению, но из них было эвакуировано население. Сейчас там более-менее благополучная обстановка. Так почему же не переселить? Но такие вопросы должны решаться на уровне правительства, органов здравоохранения, с выкладками Гидромета и с обязательной научной проработкой.

Я уже говорил, что если финансирование нет, то тут уже ничего не сделаешь. Хотя правительство обязано рассматривать все эти вопросы, исходя из состояния здоровья населения. Это самое главное, а на самочувствие населения главную роль играет состояние дел в зоне отчуждения и выполнение программы по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы.

— Поговаривают об упразднении 30-километровой зоны, создании более узкого кольца в районе 10-километровой зоны.

— Зону отчуждения я бы не трогал. Зона отчуждения еще долгие годы будет служить зоной недоступности. Сейчас нужно переключить внимание не на сужение зоны, а на реабилитацию эвакуированных, на тех, которые прошли весь этот кошмар.

— А ваше отношение к выводу из эксплуатации Чернобыльской АЭС?

— В ликвидацию последствий аварии, которая включала в себя восстановление работоспособности ЧАЭС, были вложены громадные средства. И в первую голову не по политическим мотивам, а исключительно с точки зрения экономической целесообразности, поскольку потеря четырех блоков, конечно, наносила значительный ущерб энергетике Украины. Поэтому была поставлена задача: при повышенной безопасности для людей, ввести 1, 2 и 3 блоки ЧАЭС. Станция заработала, дала ток в энергосистему Украины.

Было поручено в экстренном порядке приступить к строительству нового города энергетиков — Славутича. Место предлагал Гидромет. Таких вариантов было пять-шесть. Остановились на нынешнем месторасположении города. И в небывало короткие сроки построили такой красавец! Естественно, появились недоброжелатели, но время их посрамило. Могут сказать — это мелочи. Пусть говорят, но для меня — это была борьба за человека.

— Вы работали с большим количеством людей, каждый из которых оставил

свой след в вашей жизни. Когда речь заходит о Чернобыле, какие имена сразу же всплывают в вашей памяти?

— Первый человек, о котором я хочу сказать, был Борис Евдокимович Щербина, пусть земля ему будет пухом. Сейчас бывшие члены Политбюро могут сказать, что именно они решали все чернобыльские проблемы, они самые главные в успехах ликвидации последствий аварии. Я же скажу, что все, сделанное по чернобыльским программам — это заслуга, организаторский талант, воля Бориса Евдокимовича. Не могу не вспомнить бывшего заместителя министра Минсредмаша Усанова, также безвременно ушедшего. Я не могу не вспомнить Юрия Николаевича Корсуна, так как и Зеленый Мыс, и город Славутич — результат работы его главка...

— Большой объем работ проделала армия в лице так называемых «партизал».

— Действительно, я не могу не вспомнить и о военных. Но оговорюсь: нельзя говорить о том, что в основном работы в зоне отчуждения проводились силами военных. Вся работа была распределена между тремя организациями: вопросами дезактивации занималась армия, вопросами строительства «саркофага» занимался Минсредмаш, дороги, мосты строил Минтрансстрой, а всем остальным занималось Министерство энергетики. То есть работа в высоких полях облучения была распределена поровну.

— Некоторые подметили, что по приезду в 1989 году в зону отчуждения Горбачева, начались сокращаться чернобыльские программы.

— Ну что вы, это совершенно неправильная оценка. Приезд Горбачева в зону отчуждения это просто ознакомительная поездка, которая ни в коей мере не влияла на сокращение финансирования, на снижение темпов ликвидации последствий аварии.

— Вы сейчас приехали?..

— Чтобы посмотреть, что происходит в данное время в Чернобыле, как работают люди. Первые впечатления положительные — вижу, что радиобоязнь постепенно уходит, приятно было узнать, что Славутич сегодня по деторождаемости входит «в призовую тройку». Это говорит об изменении настроения людей, и в связи с этим я поддерживаю мнение директора ЧАЭС Сергея Константиновича Парашина, что хватит говорить о тех черных днях. Да, они действительно были, их забыть невозможно. Но каждая беда лечится временем, горе утихает, сейчас нужно думать о новом — поднятии духа в народе.

— Печально, если, спустя время, и город Славутич, и атомная станция в скором будущем останутся на раздорожье...

— Вот хорошо, что вы оговорились. Везде в официальных органах, вероятно, и вашей газетой муссируется вопрос о закрытии ЧАЭС. Но ведь после этого вопроса ставится не точка, а запятая — где взять новый источник тех же 3 млн. киловатт, которые вырабатывает сейчас ЧАЭС, и что будет с энергетикой Украины? Об этом тоже нужно думать. Жизнь станции может продлиться еще не на один десяток лет. На этом нужно стоять, от этого зависит будущее Украины.

Наша ремарка: Юрий Кузьмич Семенов за время работы в Чернобыльской зоне получил облучение в 400 рентген. Первый, кто побывал на блочном щите 4-го энергоблока, — был именно он.

Беседу вели Руслан ГОРОДНИЧИЙ, Николай ПЕТРИЧЕНКО и Павел ПОКУТНЫЙ.